

Бог на радуге

Вячеслав Ренью

16+

Вячеслав Михайлович Ренью

Бог на радуге.

Сборник рассказов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34289161
SelfPub; 2019*

Аннотация

Сборник состоит из девяти рассказов, написанных в жанре «романтическая фантастика». Это попытка автора посмотреть на мир, его будущее и настоящее: разумно, с любовью и юмором. Здесь нет неуязвимых для пуль бесстрашных супергероев, которые ради мифической справедливости направо и налево уничтожают злодеев сотнями. Здесь вообще нет супергероев и злодеев. Мир книги не чёрно-белый. Он – разноцветная радуга. Рассказ «Бог на радуге» можно отнести к жанру «любовных историй». Завершающий рассказ «Аттракцион» – начало нового полноценного романа, задуманного автором в процессе работы над книгой, а потому имеет продолжение.

Содержание

Человечья жизнь	4
Бог на радуге	38
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Человечья жизнь

– И последний вопрос повестки совещания: бродячие животные в поселениях района! Граждане жалуются. Жалуются туда,.. – пухлый палец указал на потолок, – нашему дорогому и любимому губернатору. А что местная власть? А власть – бездействует.

– Мы с вами бездействуем. Департамент жилищного хозяйства! Я месяц назад давал поручение!?! Почему по улицам поселений до сих пор безнаказанно бродят бродячие собаки?! – Борис Ильич сурово повёл взглядом, точно дулом автомата, вдоль уходящего в бесконечную перспективу «совещательного» стола, за которым, потупив взоры, восседали замы и начальники районных департаментов.

– И не нужно шептать в кулак, что бродят потому, что бродячие. Я всё слышу! И вижу. Я даже больше слышу, чем видите вы.

Несмотря на свой сравнительно невысокий рост, обманчиво рыхлую внешность, Борис Ильич старался выглядеть руководителем суровым, к которому на кривой козе не подъедешь, а если уж задумал подъехать, то непременно подмасли, при этом масло должно быть качественным: консистенция плотная, однородная, пластичная, умеренно твёрдая и непременно... много.

Усы начальника департамента шевелились виновато, а к концу доклада вообще безнадежно опали, точно паруса при отсутствии попутного ветра.

– Коммунальщики! В то время как район борется за передовые позиции, в то время как наш любимый... великий, не побоюсь этого слова, губернатор требует, чтобы жалобы и обращения граждан решались в срок, вы активно тянете нас в красную зону.

Ответом главе последовало невнятное бляение лысеющего начальника Департамента жилищного хозяйства о нехватке средств, штатных единиц, техники... О том, что в отсутствие финансирования предлагаются негуманные меры сокращения популяции бродячих животных. О том, что всякие зелёные и иная общественность грозят митингами и акциями!

Борис Ильич покраснел, потом побелел, потом снова покраснел и выдал такой словесный ураган в печально висящие органы ЖКХашника, который в приличных рассказах принято накрывать белым шумом.

Если отбросить нецензурные выражения и рычание, то основная мысль была такова: «Средств на приюты для животных не дам! Травите! Травите! И ещё раз травите! Всех подряд. Кошек, собак, зайцев, лис, дворовых, хозяйских... Всех, кто несанкционированно пытается проживать на территории поселений вверенного района! Впервые что ли?»

– Всякий раз, когда встаёт этот вопрос, вы такие добрые и

пушистые, один глава Бармалей! Не надо никого жалеть. Собаки и кошки – это вам... совсем не люди. Это... животные! Звери неразумные. И вообще... Все бараны. Единственное разумное существо на вверенной территории – наш любимый губернатор! Со своими избирателями. Подчёркиваю – выборы на носу!!!

– Я лично, как глава района, из-за каких-то там кошек и собак никому не позволю чернить собственное доброе имя в целом, репутацию района в частности и главное... его! – пухлый палец снова взметнулся к небесам. Лучше бы он так не делал.

– Травите и доложите об исполнении. Ибо, как говорит наш великий и незабвенный, власть должна быть открытой народам, инстаграмам, фейсбукам!.. Власть вам – не избушка на курьих ножках, она всегда должна стоять передом. Ибо... Когда оно... этим, то чревато!

– Я кому-то с галёрки сейчас покажу раком! Совсем обнаглели.

Буря пошла на второй круг и постепенно обрела черты пыльной, а перевозбуждённый Борис Ильич всё никак не мог успокоиться. В подобной ситуации хорошо помогает стакан газированной воды в лицо, ну или на крайний случай неожиданный звонок, на который нельзя не ответить. В этот раз судьба огрела Бориса Ильича телефоном.

– Да!? Слушаю?! – грозно прокричал в аппарат ещё не вышедший из «пыльного» образа руководитель. А затем изум-

ленно и тревожно:

– Как пожар? У нас в районе? На каком газопроводе?!..

– Так! Так! Большая площадь возгорания? Хорошо! Семёнов (местный начальник службы ЧС). Семёнов, твою мать! Куда ты всё время пропадаешь?! Перво-наперво! Слышишь? Сделай селфи на фоне огня. И побольше... Побольше пламени! Слышишь?! Пару фоток мне перешли. Там, где пожарные расчёты, понимаешь ли, героически борются с огнём. Срочно! Срочно, я тебе говорю! Для инстаграма! Да какие, к чёрту, сто граммов? Инс...та...грам. Валенки отсталый! Что!? Что ты сказал?! Как потушили уже!? Совсем потушили? И ты ничего не снял?! Семёнов. Что значит: «Некогда было!?» Что же ты делаешь со мной, враг Семёнов?! Чем же я отчитываться буду?! Разве не знаешь про новую генеральную линию? Что же ты, сволочь..., выходит, игнорируешь открытость власти и её информационную близость к народу!?

– Ты дурак, Семёнов! Сколько можно вас учить?! Сколько раз повторять? Сначала покажи работу лицом! Сними на камеру, отправь в Интернет! Проинформируй пресс-службу губернатора, избирателей – потом туши. Семёнов! Так дело не пойдёт. Поджигай заново! Поджигай, говорю! Полрайона мне спали, но чтобы селфи оказалось лучшим в области! Что? Ты не знаешь, что такое селфи? Да какая разница, что это такое? Семёнов! Главное снимайте. И лайкайте! Всем управлением лайкайте. Придурков коммунальщиков разре-

шаю подключить... Что? Нет! Ты не понял. Не лаяли... Деревня. Лайкали. Плюсики и большие пальчики ставили. Семёнов, чем больше плюсиков, тем лучше работа. Всё! Всё, говорю... Вперёд. Исполнять. Понеслась. Иначе, как бродячих псов – на живодерню! Ты понял меня?

Расстроенный Борис Ильич раздражённо отбросил на стол мобильный телефон, откинулся в кресло и вяло махнул рукой типа: «Вон. Все вон». Настроение было испорчено окончательно.

Присутствующие не заставили себя просить два раза. Вооружённые персональными смартфонами и айпадами, они, точно талая вода, незаметно утекли прочь, чтобы с ещё большим усердием направить героические усилия на качественные селфи и иную новомодную хрень.

Посидев неподвижно, Борис Ильич проделал несколько дыхательных упражнений, выводя организм из состояния опустошённости. Надел на голову воображаемую треуголку, обновил позолоту на собственной короне и... привёл себя в порядок.

Далее по графику у главы была запланирована встреча с областными бизнесменами. Мероприятие требовало полной концентрации, ибо на кону стояли финансовые интересы как района в целом, так и Бориса Ильича в частности, а потому хозяин просторного кабинета не удивился, когда дверь легонько скрипнула, и боковое зрение зафиксировало появление в кабинете новых посетителей. Не удивился, но секре-

таршу мысленно отругал: «Мышей не ловит! Совсем обнаглели. Ходят без доклада, как к себе в... музей, ядрёна матрёна! Всех уволю».

Игра «Увольнение подчиненных» была любимой забавой не только для Бориса Ильича, но и для сотрудников аппарата. Говорят, что с некоторых пор особо горячие головы даже принимали ставки на кандидатуру следующего увольняемого, но, думаю, это просто трёп. Нужно отметить, что грозный Борис Ильич был не только взбалмошным начальником, но ещё и отходчивым человеком. Обычно через полчаса гнев стихал и уволенный снова принимался за работу в той же должности. Вопрос не доходил до отдела кадров.

«Ха! – усмехнулся в русле текущих мыслей глава. – А ведь для начальника юридической службы следующее увольнение юбилейное! Сотое, если ничего не путаю. Хм... Надо бы дамочке цветочки подарить...»

Далее, в штатной ситуации, начались бы шуточные размышления (с солью и перчиком) на тему, какие цветы больше подходят юристке – мать или мачеха? Но как ни странно, вышеозначенных мыслей не последовало. Да и вообще никаких размышлений не последовало, поскольку Борис Ильич с ужасом обнаружил, что он парализован...

То есть абсолютно. Да, именно парализован: физически и умственно. И причина напасти – новые посетители. Без сомнения. Единственным, кто не покинул своего хозяина, оказался страх. Тревожно было уже оттого, что главе никак не

удавалось рассмотреть непрощенных гостей, потому как сидел он к ним боком, а повернуть голову или иную часть тела даже на миллиметр не представлялось возможным. Смутно на фоне стены с диаграммами плановых показателей развития инфраструктуры виднелись лишь тёмные силуэты. Один повыше, другой пониже. И всё.

Неожиданно в голове щёлкнуло, умственная прострация отступила, и тут же зазвучал тихий, но твёрдый голос. Вернее, даже не голос. Понятия проникали в мозг сами собой, минуя органы слуха и иные отверстия обездвиженного организма.

– Никого и никогда беспричинно обижать нельзя. Нельзя безнаказанно травить кошек и собак.

–Э! У! – заёрзало среди скачущих мыслей сознание Бориса Ильича. – Так, граждане посетители, ...люди же жалуются. Простые люди... Избиратели. А наш замечательный губернатор...

– Ценность жизни любого существа неизмеримо выше жалоб глупых животных, именующих себя людьми, и тем более рейтингов их тщеславных начальников. Существуют пищевые цепочки, в рамках которых обитает живое на планете. Бессистемное нарушение законов приводит к разрушению пространственно-временных связей.

– Там же... Дети ходят, старушки разные... Звери могут укусить, а могут заразу принести, – неожиданно для себя стал оправдываться обездвиженный глава, подспудно ощу-

щая, как в глубинах мозга нарастает раздражение нелепостью ситуации.

«Гады. Ядрёна матрёна. Не иначе защитники животных. Зелёные и красные. Ну, доберусь я до вас. Фокусники хреновы. Только дайте в себя прийти... Держаться и делать вид, что я всё понял. Да. Понял. Учту пожелания. Кошечки и собачки – наше всё...»

Но загадочные посетители-фокусники (как окрестил их глава) не поверили в искренность Бориса Ильича, продолжая производить над ним свои изощрённые эксперименты.

В голове что-то щёлкнуло дважды, будто переключились невидимые тумблеры. По сознанию поплыли цветные фигуры ленточной формы. «Мёбиус» – всплыла странная ассоциация.

– Данный субъект не способен к адекватному восприятию мироустройства.

– Согласен с Вами, коллега, – включился в сверление мозга второй посетитель. – За ним отмечено многократное массовое вневидовое уничтожение живых существ, не обусловленное потребностями пищевой цепочки.

– Запускайте транспортиацию.

Не успел. Не успел Борис Ильич пугнуть непрошенных гостей карающим, но справедливым органом родного правосудия...

Последнее, что он явственно увидел, была добрая, немножко с хитрецей, улыбка с плаката любимого губерна-

тора, озаряющая карту родного края на фоне глобуса мира предвыборным лозунгом: «Он? Везде с тобой!»

Последнее, что услышал, – многоголосый смешанный хор канатной фабрики, торжественно и старательно выводящий знакомое с детства: «Родина слышит! Родина знает...»

Когда хор затих, фигура губернатора сдулась, точно резиновая кукла. Сознание отключилось.

Очнулся Борис Ильич в клетке. Он сразу это понял, хотя сама по себе клетка была не совсем клеткой в привычном понимании. Это была циклически замкнутая поверхность, сплетённая из толстых вьющихся полос полупрозрачного материала, напоминающего цветной пластик. Размерами два на два в ширину и непонятно, сколько в высоту. Но не прямоугольник. Точно.

Стороны горизонта определить наш герой не смог, но отметил: правая сторона отливала розовым оттенком, противоположная была пропитана густым фиолетовым светом. Воздух искрился переливами двух вышеуказанных цветов, от чего казался тяжёлым и немного влажным.

– Где я? – ни к кому конкретно не обращаясь, простонал Борис Ильич и закашлялся.

– О! У нас пополнение. С прибытием, уважаемый! – приветствовал его незнакомый голос. Судя по тембру, вышеозначенную фразу произнёс человек в возрасте.

– Кто здесь?!

Борис Ильич стал озираться по сторонам. В цветном плетении мутного хрусталя очень трудно разобрать, где верх, где низ, где право-лево...

И вообще сложно понять – тело в данный момент находится в вертикальном или же в горизонтальном положении? Стоит он, точно памятник, или прилег, как покойник?

– Кто здесь? – машинально повторил он, ничего не понимая.

– Я здесь. Дед Али!

– Кто ты, дед Али?

– Сейчас? Как и Вы, питомец приюта. А до этого простой питерский дворник. А до...

– Где я? На том свете?

– Хм! Пожалуй, да. Только это совсем не то, о чём Вы подумали.

– Какого приюта? Что Вы мелете? – неожиданно всхлипнул Борис Ильич и прослезился. Слезами организм защищался от стресса.

– Ох, господи! Снова плачущий человек, – слышался скрипучий голос с другого конца цветной клетки. Борис Ильич повернул на звук голову и совсем близко сквозь мутное «стекло» подсвеченного «пластика» заметил полную фигуру. Детали внешности рассмотреть не получилось, тем не менее Ильич окрестил соседа «толстолысый».

– Объясните же мне, где мы? Господа... Товарищи!.. Кто вы? Я что – умер? Мы в раю? Ох! В аду?! Я схожу с ума.

– Ни в раю и ни в аду, – лениво заскрипел «толстолый», – Вы, как и все мы, увы, в человечесьем приюте.

– Для больных, стариков и инвалидов? – перебил, мучаясь страшной догадкой, Борис Ильич. – Для психов!? Господи! Я в дурке. За что?

– Вы, может быть, и псих, а остальные тут вполне себе нормальные и вменяемые люди. Вполне себе неплохая компания, – обиделся толстяк.

– погоди, Боб, – снова вступил в диалог дед Али. – Нужно же объяснить товарищу всё по порядку. Вспомни себя. Каким жалким и потерянным ты был в первый день.

– Да! Объяснить! – находясь на грани полубморочного транса, согласился с дедом Борис Ильич.

– Как Вас зовут?

– Боря... ыы... Борис Ильич я, – жалостливо пискнул глава района и сам не узнал своего голоса. Куда что девалось? Куда пропал уверенный гонор начальника? Почему испарилась сталь?

– Так вот, Боря. Попробуйте выслушать меня по возможности спокойно и по возможности принять на веру. То, что я вам расскажу, может показаться странным и даже неправдоподобным... Но смею вас уверить, Вы не сошли с ума и Вы не умерли. Вы ни в раю и ни в аду. Вы просто, как и все мы, – на другой планете. Местные называют её что-то типа Гыр! А потому между собой мы зовем их гырийцами. Вы наверняка слышали про исчезновение землян, похищенных иноплане-

тянами? Да? Наверняка задумывались над вопросом, одни ли мы во Вселенной или есть иные миры, заселённые разумом? Так вот. Теперь Вы точно знаете ответ на этот извечный вопрос. И он...

– Каков!?! – испуганно прошептал Борис Ильич.

– Абсолютно верно! Не одни! Здесь другой климат, другой уклад, другое мироустройство. Здесь доминирует иная цивилизация. Высокоразвитая, на минуточку. Смею Вас уверить. Представьте себе, что развитие земной цивилизации пошло бы по иному сценарию и там, на Земле, доминирующим видом были бы, скажем, ...собаки.

– Ага! – ядовито вставил реплику толстяк. – Или летающие коровы.

– Так вот. На этой планете доминирует иной, отличный от людей вид, хотя тоже белковый, повторюсь, очень высокоразвитый, гораздо более, чем наша людская цивилизация на планете Земля. А мы, земляне, волею случая попавшие сюда, для них что-то типа... собак и кошек там у нас.

– Господи. Какой бред. Нет. Я сошёл с ума. Вы сумасшедшие? – воспротивился надвигающейся реальности Борис Ильич и ущипнул себя за ягодицу. Почувствовав боль, он неожиданно пукнул. Желудок скрутило.

– Фу! Идиёт! – скрипнул толстяк Боб.

– Ничего, ничего! Он привыкнет. Так вот. Для доминирующего вида этой цивилизации мы с Вами – что то типа собак. А поскольку Вы, уж извините, на данный момент «со-

бака бездомная», Вас, соответственно, поместили в приют. Приют для бездомных со... людей! Это, конечно, не санаторий, но, по крайней мере, здесь есть крыша над головой. Еда, неплохой уход, надёжная защита от непогоды...

– К чёрту. К чёрту. Это им даром не пройдёт! Я глава района. Меня будут искать. Пришлют вертолётчики... Самолётчики. У меня есть влиятельные друзья, родственники обратятся в Интерпол... Ыы...

– Никто Вас не будет искать. Ибо на Земле для всех Вы в лучшем случае умерли. Инсульт. Или инфаркт... Выбирайте сами.

– Он выбирает понос! – снова подал голос толстяк. – А впрочем, нет! Вы – чиновник? Тогда специально для Вас сымитировали побег с ворованными миллионами на Занзибар, а в прессе написали: «Сегодня компетентными органами возбуждено очередное антикоррупционное дело...». Буггааа!

– Врёшь! Не обманешь. Не мог я там умереть! Тело моё. Оно ведь со мной, – радостно похлопал себя по бокам наш герой.

– Что тело? При их технологиях сделать макет Вашего тела из куклы-пустышки – раз плюнуть!

– Ыыыы. Откуда вы всё это знаете?! Вы меня специально обманываете. Из какой вы разведки? Али! Али!

– Да?

– Вы ведь сказали – дворник? А рассуждаете как профес-

сор.

– Я же не всегда был дворником. В своё время Ваш почтенный слуга окончил Ташкентский государственный университет. Защитил диссертацию. Но... Обстоятельства выше нас. Обстоятельства, друг мой, так сложились...

– К черту, к чёрту обстоятельства. Не верю. Не хочу приютов. Не хочу умирать.

– Успокойтесь, Борис Ильич. Вы пока живы. Это важно. А ведь Вас могли просто отравить или пустить на мыло, – продолжал дед Али, – но нам предоставили сносные условия. Нас выгуливают. Дают воду... Правда, иногда забывают убирать за нами, пардон, дерьмо! Но главное – кормят. Конечно, скудно, однако бродяжничать на здешних «улицах» ещё хуже. Поверьте моему опыту. Если повезёт, Вас заберут в семью. А если очень повезет, Вы там даже станете всеобщим любимцем. Хотя вряд ли...

– Почему это? – чисто машинально спросил Борис Ильич.

– Потому, что Вы старый.

– Я старый!?

– К сожалению, у нас с Вами мало шансов. Но Вы сильно не печальтесь, в приюте тоже можно жить. Скоро ужин...

– Да уж, – подал голос лысый толстяк Боб, – сегодня обещали шашлычок.

От напоминания о еде желудок Бориса Ильича расстроился окончательно. Бывший глава, а ныне питомец странного приюта, расположенного чёрт-те в каком звёздном простран-

стве, далеко от родной матушки Земли, вдруг почувствовал непреодолимые позывы к дефекации... А проще говоря, его припёрло... Да так, что сопротивляться большой нужде оказалось просто невозможным. Внутренне, на уровне подсознания, Борис Ильич ощутил неудобство и даже стыд, но ничего со своим организмом поделать не мог. Сбросив штаны, путаясь в координатах и направлениях, он заёрзал, подыскивая удобный угол, стал активно примащиваться на корточках...

– Эй! Стой! Дед Али! Посмотри, что это дурень удумал?! Нельзя! Стой! Надо ждать прогулки...

Поздно. Дело было сделано.

В ту же секунду одна из плоскостей клетки стала идеально прозрачной и на бедного страдальца хлынул фиолетовый поток свежего воздуха. Над Борисом Ильичом неотвратимо нависла огненно-рыжая тень, и тут он впервые увидел представителя «господствующей расы».

Гыриец стоял на четырёх конечностях и отдаленно напоминал собаку породы доберман, только выглядел раза в четыре больше и хлопал себя по заострённой морде большими необрезанными ушами.

– Ух! – только и смог выдавить из себя Ильич, почувствовав, что сейчас либо хлопнется в обморок, либо повторит процесс дефекации, но теперь уже прямо в штаны. Конечно, при прочих равных, он бы предпочёл первое, но в сложившейся ситуации по-детски задорно и радостно совершил

второе.

Гыриец неспешно, но уверенно схватил огромными зубами нашего теперь уже благовонного героя за воротник пиджака, настойчиво нагнул и сунул, я извиняюсь, мордой в собственное дерьмо, как шкодливого щенка. При этом никаких звуков произнесено не было, но Борис Ильич ясно и чётко, как тогда в собственном кабинете при посещении его непрошенными гостями, ощутил поток информации:

– Нельзя! Нельзя так делать! Нельзя гадить в том месте, в котором живёшь...

Унизительная экзекуция продолжалась секунд тридцать, потом всё неожиданно прекратилось, прозрачная стена снова покрылась матовым налётом, а удивлённому, возмущённому Борису Ильичу только и осталось, морщась и отплёвываясь, переживать позор да брезгливо вытирать с лица собственные фекалии. И всё же он успел лягнуть ногой наглого обидчика. Знай наших!

– Доигрался хрен на скрипке, – злорадно хихикнул толстый Боб.

– Ничего! Учение – свет, – вздохнул дед Али.

Сверху зашуршало.

– Хавчик! Хавчик! – послышался многоголосый радостный шепот.

Сквозь мутные прутья решётки посыпались какие-то горелые сухари с дымным запахом шашлыка. От этого запаха Бориса Ильича стало тошнить, и он впал в забытье, потеряв со-

знание.

Очнулся Борис оттого, что кто-то невидимый насильно поднял его тело и понёс по воздуху.

– Боря! Давай приходи в себя! Пора. Прогулка! – услышал совсем рядом он голос деда Али. – Нужно успеть косточки размять и все дела естественные сделать, чтобы больше не попадать в неприятные ситуации.

– Господи! Это всё наяву. А я так надеялся, что сплю.

– Давай. Давай. Я тебе сейчас покажу все значные места и расскажу порядки.

И он рассказал всё, что знал. И показал. Где в этой розово-фиолетовой мути делаются большие дела, где малые. Где просто погулять.

Али оказался хорошим другом и мудрым наставником. Старый узбек прекрасно говорил по-русски. Впрочем, может и не прекрасно? Тот же толстяк Боб был австралийцем и вряд ли знал наш язык, но тем не менее его злые шуточки и подколки воспринимались без переводчика. И Боб понимал, о чём ведёт разговор бывший глава района.

– Я здесь давно! Очень давно. Много чего повидал. Даже научился немного понимать, о чём «хозяева» говорят друг с другом, и одно могу сказать точно – цивилизация эта гораздо более развитая, чем наша. На несколько порядков, – по вечерам скрипел одно и то же Боб. – Так что дёргаться даже не стоит. Мы для них собачки. Ав! Ав! И на тумбочку.

– Хорошо, что не свиньи, коровы или бараны, – бурчал

Борис Ильич. – А много здесь наших?! Как вообще сюда люди попадают?

– Много. И взрослые, и дети, – с другой стороны клетки подключался к извечной беседе дед Али. – Есть те, кто вообще тут родился. Такие особенно ценятся. Дети... Они совсем другие. Из них вырастают самые примерные домашние питомцы.

– А как попадают? По-разному. Цивилизация эта, как бы сказать... Курирует наш мир. Во Вселенной так принято, что более развитые расы отвечают за менее развитых перед межзвёздным сообществом. Как-то так. Периодически их экспедиции посещают нашу планету с инспекциями. Кого привозят в подарок, как мы привозим забавную зверушку из леса: ёжика или лисёнка. Кого спасают в катастрофах, когда смерть людей становится неминуемой. Видел тут людей, которые попали на планету случайно, оказавшись не в то время и не в том месте. А некоторых, особо злостных, высылают сюда за неподобающие деяния. Чтобы зло не разрасталось на Земле, и люди не довели свой мир до опасной черты. В этом их миссия.

– Плохо они справляются. Халтурщики, – возмутился Борис Ильич, – хватают без суда и следствия совсем не тех, кого следовало бы...

– Ну, они же тоже... «живые». Прилетели, посмотрели. Отдохнули. Сувениров набрали, а дальше отчитаться нужно, что миссия выполнена.

– Халтурщики и пиарщики, – с обидой в голосе повторил Ильич. – Инстаграмщики.

– Кто?

– Да это я так...

– Многие наши живут в семьях на положении домашних любимцев. А кому места в семье нет, содержатся в приютах типа этого. Хозяева считают себя гуманистами: воспитывают и дрессируют нас.

– А бродячих жив... людей не утилизируют? – с сомнением удивился Ильич. – Даже опасных? К примеру, тех, кто захочет сбежать отсюда.

– Сбежать? А куда? – удивился Али. – Для не поддающихся воспитанию у них предусмотрена крайняя мера. Таких отправляют в созвездие Гончих Псов на очищение. Но что это такое? Что происходит с такими людьми? В чём состоит очищение, я не знаю. Мало таких. Бунтарей. Основная масса прекрасно адаптируется. Да это и не сложно: слушайся, служи, люби хозяина.

– В семьях кормят гораздо лучше, – мечтательно вздохнул Боб.

– Господи! Неужели я никогда не увижу Наину Карповну? Собственную супружницу! Детей! Свою любовницу Лидочку... Господи! Неужели ты со мной так поступил из-за несчастных бродячих животных?

– Держись, Боря! Держись, – понимающе вздохнул Али. – Все мы прошли через нечто похожее. Жизнь наладится. Вот

увидишь.

Как ни банально это звучит: время лечит. Вот и Борису Ильичу оно помогло свыкнуться с сиротско-приютским положением. Свыкнуться – но не смириться. Нет! Ну где это видано, чтобы далеко не последнего в области человека, занимающего важный пост, вдруг ни с того ни с сего похищали!? А потом какая-то уродливая скотина тыкала лицом в дерьмо и поучала. Это не просто безобразие. Вопиющая ситуация. Это тема для внеочередного заседания ООН.

Борис Ильич твёрдо решил: он обязательно выберется отсюда. Уползёт. Сбежит. Угонит космический корабль пришельцев или что-то другое. Ведь на чём-то они должны перемещаться в пространстве? Боря этого так не оставит. Вернётся на Землю. И тогда. Ух, что будет тогда.

– Уволю всех!!! – аж захрюкал от экстаза наш герой. – Всех покрошу! Дайте время. Вырвусь отсюда и... Сволочи! Суки.

– Не спится? – окликнул его дед.

– Не спится. Слышь, Али! Али! – горячо зашептал Борис Ильич в цветной сумрак. – Давай устроим побег. Слышишь? Мы же не рабы. Рабы не мы. И не домашние питомцы... Усечки-пусечки! Тьфу. Мы гордые, свободные люди. Пусть знают! Али! Давай сбежим? Али! Взорвём к чертям приют.

– Нет, дорогой Боря. Отсюда не сбежишь. Это, уважаемый

мой, не пионерский лагерь и даже не Матросская Тишина. Да ты ведь уже пробовал? Пробовал не раз! И что? То-то и оно. Это цивилизация, Боря.

– Слышь, Али! А из семьи можно сбежать?

– Из семьи? Думаю, можно! Только куда и зачем?

– Мы угоним космический корабль. И айда на Землю.

– Эх, Боря, Боря! Ты прям, как в том анекдоте. Такой большой, а всё в сказки веришь. Да тебя и не возьмут в семью. Ты ведь старый...

– А где же их хваленое милосердие?

– Но главное, Боря – ты буйный. Сколько раз ты нападал на служителей приюта? Эти-то тебе что плохого сделали? Они заботятся о нас. Как умеют. А ты их кусал, лягал, облаивал. Боря, ты – неприятный, грязно-вонючий исключенный тип. Ну, скажи, пожалуйста, ты бы себя такого взял в дом?

– Я не лаял. Я пытался говорить с ними на их языке, – огрызнулся Борис Ильич.

– Эх, Боря, Боря! Не возьмут тебя в семью. Не надейся.

– Нет, Али! Шалишь. Я ради дела стану добротой и ласковостью. Стану самым примерным питомцем приюта. Ради высшей цели потерплю унижения. Но сбегу.

– А ты не боишься очищения Гончих Псов?

– Я теперь ничего не боюсь. Буду самым примерным питомцем на свете! И... всё равно сбегу.

Борис Ильич сдержал слово, принялся следить за собой. Это было невероятно трудно в текущих условиях потому, что

костюм его уже изрядно износился, галстук порвался, распоротый по шву воротник рубашки постоянно кренился набок. Зато Боря разрешил служителям приюта себя помыть, причесать и даже побрить. Для этих целей имелось специальное устройство, которое питомцев мыло, чесало, брило, а также опрыскивало странным веществом типа одеколона.

В семье людей из приюта забирали периодически. Гырийцы приходили парами, часто с детёнышами, бродили вдоль клеток, смотрели, выбирали.

Однажды под вечер в приют пришла одна такая взрослая особь женского пола с двумя малышами. Они достали большой кусок пищи, по внешнему виду больше похожий на запечённую курицу, и стали бродить вдоль клеток, внимательно рассматривая подопечных. Боб яростнее остальных повизгивал, вилял задницей, активно пытался ластиться и даже лизать лапы своих будущих хозяев сквозь отверстия в клетке. Аборигены погыркали и выбрали Боба!

– Тьфу! – Борис Ильич сплюнул от досады. – Али! Ты видел, как он жопой вилял?! Позорище! Млять! Оскотинились мы здесь совсем.

– Не стану осуждать. Рыба ищет, где глубже, а человек инстинктивно старается улучшить свое положение.

– Тьфу! Брось! Позорище!

Боря плевался, ругался, но метод перенял на вооружение. И чем только не завилеешь ради высокой цели!?

Главное – чтобы сработало.

Через несколько дней местного календаря в приют пришла ещё одна изящная самочка, которую Борис Ильич сразу окрестил про себя «Норой». Нору сопровождал огромный самец, получивший прозвище «Бычара».

После долгих блужданий у клеток с «питомцами» они остановились как раз напротив нашего многострадального героя, чтобы обсудить увиденное.

И тут уж Ильич не упустил своего шанса! От души сплясал гопака.

И задницей вилял, как заправская стриптизерша (вверх-вниз, вправо-влево), и подпрыгивал, и тёрся о прутья включенной полуседой шевелюрой закатывая глаза, и трогательно так лапку, тьфу, ладошку через решётку тянул... Короче, отличился!

Аборигены с удивлением, но внимательно и терпеливо досмотрели представление стареющего идиота-клоуна до финала. Потом о чём-то лопотали на своём глупом языке. Вернее, гыркала в основном Нора. Видимо, она и выбрала Бориса Ильича! Стройная, статная рыжая «доберманиха».

Нора была единственной представительницей местной расы, к которой Ильич не почувствовал антипатии с первого взгляда. Правда, при этом он по выходу из питомника без зазрения совести не преминул предпринять попытку к бегству, за что неумолимо получил резкий удушающий удар током и грозный окрик, вернее, «орык» со стороны Бычары.

– Кхы! Кхы! Кхы! Гады. Быстро на привязь посадили, –

растирая ушибленную шею, закашлялся Ильич.

– Ну, ничего! Ничего! Впредь буду осторожнее. Прощай, Али!

– Прощай, Боря, – густой местный воздух донёс до ушей голос далёкого друга.

Борис Ильич попал в молодую, по местным меркам богатую семью. Детёнышей у Норы с Бычарой пока не было, а потому всю свою материнскую любовь и нежность самочка направила на него. Она с удовольствием возилась со своим питомцем: играла, выгуливала, облизывала языком, как сука лижет щенка (процесс не очень приятный). Нора кормила его разнообразными незнакомыми, но довольно вкусными кушаньями. Да так, что через некоторое время щёчки у Бори порозовели, а пузико изрядно округлилось. Шерс... волосы на голове заметно подросли, стали мягкими и шелковистыми, как у младенца. Одежда затрещала по швам.

В общем и целом у них с Норой установились замечательные отношения, и Борис Ильич стал даже испытывать чувство эдакого неудобства при мысли о том, что в конце концов ему придётся обмануть это добрейшее создание.

Зато с Бычарой дела не заладились с первой же ночи, проведённой питомцем в их огромном оранжево-фиолетовом доме.

В сущности, Ильич сам виноват. Не осмотревшись, не поняв сути вещей и порядков обустройства, он решил по воз-

возможности форсировать подготовку побега и в первую же ночь принялся готовить подкоп.

Найдя в одной из комнат твёрдый кристалл, Ильич забился в дальний угол, где долго ковырял им стены. Проход так и не прорыл, а вот на неприятности нарвался. Если перевести на понятный для человека язык – испортил и порвал обои, за что утром получил по полной программе, в том числе, дело дошло и до физического лапоприкладства. (Интересно, куда только смотрит местный комитет защиты прав животных?)

В другой раз, когда хозяева надолго отлучились из дома, позабыв предварительно выгулять Борю, его так прижало, что неизбежно свершилась ситуация, в простонародье описываемая поговоркой «Пусть лучше лопнет моя совесть, чем мочевого пузыря».

Оно и понятно, завёл дома животину – отвечай. Ильич, понимаешь ли, им не мальчик! Долго терпеть не способен.

Он и прыгал на одной ножке! И прыгал на другой! И на обеих сразу! Дрожал телом и даже выл, пока в одной из комнат не набрёл на вещицу, с виду абсолютно напоминавшую унитаз.

– Уф! Уфффф! – радостно вздыхал страдалец, испытывая долгожданное облегчение от процесса...

– Я знал! Я знал, что в доме обязательно должен быть туалет. Ну, не варвары же они, в конце концов? Вполне цивилизованные собаки...

Ах! Как он жестоко ошибся!

Таинственный предмет оказался вовсе не унитазом, а совсем наоборот – любимым кубком Бычары, из которого хозяин по мере наполнения оногo благословенным нектаром, выделяемым в процессе полуденного охлаждения нагретогo местного воздуха, вкушал прелесть жизни (напиток такой типа пива).

Вернувшись домой, хозяин удивлённо обрадовался (дурачок), что напитка сегодня образовалось не в пример много. Бросился отведывать нектар... Глотнул раз, другой и всё понял.

Надо было видеть, с каким упоением Бычара гонял Ильича по комнатам! Точно шелудивого кота! Угрожающе скаля огромные зубы, он периодически хватал ими предмет, похожий на половую тряпку. А когда экзекуция перешла на новый уровень – предмет, похожий на домашний тапок рядового землянина.

Долго! Очень долго и неприятно саднил синяк на пятой точке питомца. Ещё спасибо Норе, что Ильич легко отделался!

Борису Ильичу подобного рода экзекуции были до слёз обидны, но что поделаешь? Он упрямо терпел, стараясь казаться милым и послушным. Самым лучшим питомцем на свете.

Активно и радостно виляя задницей при появлении хозяев, преданно смотря им в глаза, Боря настойчиво, сквозь тернии и унижения шёл к своей цели.

– Главное, чтобы они меня на прогулке спустили с поводка. Главное, чтобы спустили. Я усыплю бдительность, улучу минуту и тогда...

Однажды долгожданное событие почти произошло, но случился казус, помешавший побегу. Уже собравшись включать пятую передачу, Ильич неожиданно заметил толстого Боба с его хозяйкой. Они гуляли в этом же месте, в это же время.

Нахлынула тоска! По знакомым лицам, по родным человеческим фигурам, по привычным фразам и схожим воспоминаниям... Тоска по родной планете! Она, точно молотом, саданула упрямого беглеца в голову, и тот, не слушая команд, не разбирая дороги, помчался навстречу соприютнику:

– Боб! Боб! Здравова, дружище! Как поживаешь, старина? – едва переводя дыхание после быстрого бега, радовался приятелю Борис Ильич. – Боб! Дружище. Ты меня не узнал?

Но Боб повел себя странно. Он не кинулся с распростёртыми объятиями, а замкнулся. Сделал вид, что боится дерзкого возмутителя спокойствия. Боб спрятался за хозяйку и оттуда шипел: «Пошёл прочь, скотина!»

В результате Ильич подставился и снова получил тумаков, причём два раза: сначала от хозяйки Боба, поскольку та решила, что на них напал агрессивный зверь, потом от Бычары – за то, что сбежал.

Опять начались нудные занятия по послушанию. Борис

Ильич усердно, до исступления, отработывал глупые команды: «Стоять», «Сидеть», «Рядом», «Ко мне»...

Терпел. Служил. Старался. Ждал своего часа.

Как-то под вечер, вдвоём с хозяйкой, они направились гулять в «кристаллический лес», испещрённую холмами и впадинами местность, на которой произрастала огромная масса больших и малых, похожих на кристаллы растений.

Влажный, жаркий воздух перехватывал дыхание так, что Ильич вдруг стал задыхаться, и Нора, добрая душа, отключила электрический «поводок»! Боре повезло второй раз, именно в этот момент хозяйке пришёл вызов из внутренней сети межпланетного общения и она ненадолго отвлеклась. Неспешно, боком, боком он стал уходить в сторону чащи, а когда скрылся из виду – побежал.

Путаясь в направлениях, обдирая части тела об острые ветви, Ильич нёсся напролом, пока хватало сил. Падал. Тяжело дышал, снова бежал. Он слышал, что Нора тревожно и громко призывала вернуться, но от этого ноги несли в чащу ещё быстрее, а силы будто утраивались. Голос хозяйки становился все глуше, пока совсем не затих. И тогда беглец, уверовав в свое спасение, упал на колени.

– Сво... бода! Прости, Но...ра! Сво...бода! – задыхаясь, шептал он.

В душе одновременно теснились два чувства: огромная всепоглощающая радость и мутная непонятная тревога.

Пару дней Ильич, как чумной, бродил по странному, путаному лесу, уверенный, что вот-вот набредёт на стартовый ракетный комплекс. С чего в нём зародилась данная уверенность, он и сам не понимал, но точно знал: «Должно быть! Именно так и никак иначе!»

Вот за тем холмом прячется долгожданный модуль депортации. Нет? Тогда за этим. Главное – идти и найти. Дальше всё просто: он захватит пилота и потребует направить самолёт... Или что там у них? Да что бы там ни было, главное – на Землю.

– Руки вверх! Курс на Москву! – репетировал команды грозным голосом Ильич.

– Курс на Париж! А может, в Пхукет махнуть? Там тепло. Хорошо. Я там отдыхал в прошлом году – мне понравилось. Нет! Для начала – курс на Нью-Йорк! В Организацию Объединённых Наций. И уж там...

Однако время шло, а «лес» всё не кончался. Никаких стартовых ракетных комплексов и уж тем более модулей депортации не наблюдалось. Ободранный, заросший щетиной Борис начал чувствовать жажду и нестерпимый голод. Он пытался глотать кристаллы, но они оказались невкусными.

«Ах, Нора, Нора! Зачем я тебя подвёл? Обманул и расстроил! Ничего. Вот вернусь домой – больше такого не повторится. Буду самым примерным питомцем на свете! Даю слово!»

К концу третьего дня бесполезных блужданий Ильич

неожиданно наткнулся на двух особей коренного населения. Они бродили меж «деревьев», собирая в нашейные сумки какие-то особенные формы растений.

– Лечебные травы, – подумал беглец.

Оглядев местность из засады и поняв, что остался незамеченным, он передумал сдаваться и решил воспользоваться внезапностью! Захватить врага в плен! А потом видно будет... Можно шантажировать власти с целью обмена аборигенов на возвращение к родным пенатам.

Собрав последние силы, Ильич ползком подобрался вплотную к противнику, но вскочить и броситься в атаку, как того требовала военная наука, не получилось.

Он смог лишь с трудом встать на колени и вместо беспроегрышного «Руки вверх!» (или на худой конец «Hände hoch!») из осипшего горла выдавить:

– По...мо...гите...

Аборигены, увидев лесное чудище, резво прыгнули в сторону и бросились наутёк.

– Трусые! Подлые трусы! Дайте хоть водички попить... Не дают. Ну, ничего! Мы ещё повоюем. Лётчик Маресьев... без ног! Без ног... Без ног...

Очнулся Борис Ильич в кромешной темноте вакуума.

Выражение «не видно ни зги» слабо способствует передаче всей полноты тревожных ощущений, которые он испытал при отсутствии внешних источников света и звука.

– Где я?

– Кто я?

– Я? Борис Ильич! Здесь есть кто-нибудь ещё?

– Нет.

– Руки-ноги? Целы! Но ни пола, ни стен, ни потолка не наблюдаю.

– Что дальше? А дальше, как в том фильме: «Есть не хочу! Пить не хочу...»

– Голова цела? Ох! Да ещё и гладко выбрита! Странно. Люди?! Ау!

Ответа не последовало. Даже от эха.

– Безобразие! Эй вы, звери! Верните Борю на место. Туда, откуда взяли!

Тишина.

И тогда, чтобы хоть немного развеять охвативший каждую клеточку организма животный ужас, он торжественно запел:

– Наверх вы, товарищи, все по местам! Последний парад наступает. Врагу не сдаётся наш гордый Варяг, пощады никто не желает!

Боря пел долго. Пел разные песни, перевирая мелодии и путая слова. Пел, пока репертуар не подошёл к концу. Потом начал концерт сначала.

Неожиданно что-то щёлкнуло, и зазвучал тихий, но твёрдый, доходчиво-понятный голос. Вернее, даже не голос. Понятия проникали в мозг сами собой, минуя органы слуха и

иные отверстия организма. Как тогда...

– В соответствии с решением межзвёздного суда, Вы, как злостный не поддающийся исправлению нарушитель порядка, отправляетесь к истокам сущего в созвездие Гончих Псов. И пускай Ваши деяния определяют Вашу дальнейшую судьбу.

– Нет! Это бред какой-то. Вы знаете, кто я?! Да со мной сам губернатор за руку здоровается! Бред. Нет. Я сплю. Вот сейчас проснусь. И... всех уволю!

Борис Ильич что было сил сомкнул веки и, собрав волю в ресницы, резко распахнул их в надежде на пробуждение...

Чуда не случилось. «Щелкунчик» снова заработал. Он распахнул пред взором осуждённого бескрайнее пространство: с одной стороны – поражающая воображение своими размерами и красотой звёздная бездна, огни которой поблёскивали в тёмно-фиолетовом мареве, точно далёкие спасительные фонарики, указывающие путь заблудившемуся в ледяном поле путнику. Миллиарды радостно зовущих надежд. С другой – бескрайняя пустота ночи.

А в центре этого ужасающего великолепия – маленькая тлеющая точка.

Борис Ильич не сразу сообразил, что эта тлеющая точка и есть он сам. Собственной персоной. Ибо тела – не было.

– Ух, ты! А ведь я – шар, – пришло осознание, – с одной стороны шар светлый, с другой – тёмный.

– Колобок, ёж твою! Красава! Был бы орган..., я, пожалуй,

уписался бы от ужаса, не сходя с этого места.

– Ничего! Ничего! Сейчас всё наладится. Сейчас сообразим. И обязательное – селфи. Куда ж без него? Как водится. Для дорогого и любимого...

Неожиданно со стороны ночи, из черноты, вынырнули мутные тени, очертаниями напоминающие собак и кошек.

– Ядрёна матрёна! Это кто!? Гончие Псы!? А причём тогда коты? К чёрту селфи! В задницу губернатора! Спасайся кто может!

Борис Ильич заметался. И вдруг понял... Вернее, узнал абсолютно точно!

Это не Гончие Псы. Это те животные, к которым он хоть раз в жизни имел отношение.

– Господи. Как же вас много и все тёмные! От вас так и пышет ненавистью...

– Вы куда? Куда меня гоните!? Нет! В черноту не хочу! Туда не надо.

Неожиданно сбоку мелькнул светлый силуэт, словно призывая следовать за ним в противоположном направлении – к теплу и свету, к звёздам. Земля – там...

– Тихон! – вспомнил детство Ильич. Вспомнил пухлого слюнявого малыша и рыжего домашнего котёнка. Вспомнил, как они вместе замечательно проводили время, играя на ковре в гостиной.

– Тихон! Не бросай меня одного! Пожалуйста. Умоляю. Спаси... Выведи отсюда. Я ведь тебя любил...

Тихон выгнул спину, зашипел на неумолимо приближающуюся свору в попытке защитить того, с кем когда-то был дружен.

Что мог сделать один светлый, пусть и храбрый, но маленький котёнок против сотен тёмных, почувствовавших острый запах дичи враждебных тварей, безжалостно преследующих добычу?

Их было много. Слишком много!

Они гнали свою жертву, тусклую светящуюся точку, в пустоту до тех пор, пока та окончательно не погасла...

Бог на радуге

От глухого удара завибрировало потолочное перекрытие. Стекланные подвески люстры, точно консервные банки поставленной на тропе войны предупреждающей растяжки, тревожно зазвенели. По комнате пронеслась стая мелких голодных зверьков в виде причудливых теней. И самое страшное, словно трель далекой электрички – вопль тёти Даши.

«Всё! Ей конец. Соседку с верхнего этажа поймало и сожрало злобное чудовище!»

Или нет? Нет! Врёшь. Не сожрёшь. Судя по последующей тираде трубного слоновьего крика, «жива курилка!». Именно так сказал бы дедушка.

Не знаю, почему она курилка?..

Скорее, паровозная труба. Или даже пароходная. Когда тётя Даша орёт на мужа, полдома дрожит.

Вот и сейчас я с затаённым трепетом, точно являясь активным участником событий, внимаю громоподобному монологу. С трепетом и большим интересом.

Где ещё пытливая детская душа сможет почерпнуть столь глубокий и разнообразный запас фольклорных и идиоматических выражений, не предназначенных для нежных ушей. Выражений забавных и частенько непонятных.

Например, что означает слово «шмара»? Вот ещё «шлю-

ха»? Ну, слова «кобель» и «падла» мне знакомы. А...

Ой! Такие слова детям вообще нельзя произносить. Да там много слов произносить не следует.

Впрочем, в целом – ясно. Тётя Даша вернулась с дачи и орёт на «козла» дядю Колю за то, что к нему без разрешения пришли гости. Наверное, друзья не сняли грязную обувь! А может, беспорядок в доме навели в отсутствии хозяйки. Разбросали вещи и игрушки...

Они всегда ругаются. Зачем живут вместе? Чтобы бесконечно ругаться друг с другом?

Бум. Ещё два глухих удара сотрясли стены. Бум. И всё затихло.

Дяде Коле прилично досталось на орехи. Но это хорошо. Хорошо, что не чудовища атаковали дом, а только тётя Даша.

Мама улыбается с порога моей небольшой уютной комнаты, но смотрит настороженно и внимательно. Я лежу, рассыпав кудрявые светлые волосы по подушке, укутанный в два одеяла. Мне очень жарко. Я болею. Простуда.

– Как дела, солнышко? Пора пить микстуру.

– Ууу!

– Что значит ууу? Ты сегодня самолёт? Выпьешь лекарство и лети себе на здоровье. Прямохонько в сонное царство. К утру вся хворь пройдёт. Проснёшься у меня красивым, умным и здоровым. Открывай ротик. Ну же... Не упрямясь.

– Ууу!! Э... Ам... Фу! Не вкусно. Противно!

– Вот так! Теперь станет легче.

– Голова болит. Мам, почему папа редко приходит? Он меня не любит?

Мама смущается на мгновение, отводит взгляд в сторону:

– Он никого не любит...

Быстро встаёт с краешка кровати, зачем-то начинает поправлять и без того аккуратно висевшие на спинке стула вещи: мои рубашки, штанишки. Любимую маечку, красную с белой полосой, забирает в стирку.

– Может, он болеет? – медленно поднимаю руку вверх, рассматривая сквозь ладонь корону одной из висящих на люстре электрических лампочек. Свет такой яркий, что пробивает маленькую розовую ладошку практически насквозь.

– Мам. Ему нужно дать лекарство. Он выздоровеет и снова нас полюбит. И придёт...

Мама вздыхает:

– К сожалению, такого лекарства в природе не существует! Спи.

Она направляется к двери, по пути щёлкая кнопкой выключателя. В комнате становится темно и страшно. Только узкая полоска света из коридора сулит спасительный шанс.

– Мама. Мама. Стой. Не уходи. Я боюсь!

– Чего ты боишься, милый?!

– Там боюсь. В углу за креслом. А вдруг оно... выскочит и меня съест?!

– Глупенький. Никого в углу за креслом нет!

– Нет, есть! Нет, есть! А можно со мной будет спать Реал?

Реал, старенький пёс породы русский спаниель. Реал после смерти дедушки только и делает, что спит. И днём, и ночью. Наверное, в своих собачьих снах он переносится туда, где привык быть! Рядом с дедом.

– Это негигиенично, – ворчит мама, – знаю я вас...

– Ну, мам!!! Он меня любит и будет охранять ночью. Ну, мааам!

– Хорошо. Только, чур, собаку в постель не класть.

Мама выпускает собаку и, включив маленький тусклый ночник, выходит из комнаты. От мутного, неясного света тени расплываются, становятся ещё загадочнее и больше. Особенно в углах.

Сильный охотится на слабого, а ночь – пора охоты. Знает, страха.

Но я больше не боюсь, потому что со мной друг. Моя защита.

Реал, вопреки маминым указаниям, запрыгивает на кровать и аккуратно укладывается в ноги.

Я заметил одну интересную вещь: пёс всегда ложится головой в противоположную сторону. Наверное, он надеется, что я при необходимости тоже прикрою его тыл. Рядом нам ничего не страшно. Рядом с собаками вообще не бывает страшно. Почти никогда... Я закрываю глаза. Я отправляюсь в удивительное путешествие. Каждый раз оно новое...

Страх и любовь. Любовь и страх. Кто из них сильнее?

Это видение детства часто посещало меня до недавнего времени. Но с некоторых пор оно стало стираться из памяти, его целиком вытеснила любовь. Я всё время думаю о ней. Я не могу есть, не могу спать, не могу хоть на пять минут заняться чем-то полезным, чтобы отвлечься от наваждений.

Наверное, я несовременен. Сегодня практикуются иные приоритеты и ценности. Мир стал куда более практичным. Сегодня гораздо более ценится умение делать карьеру или бизнес, умение приспособиться. Сегодня большинство, скорее, выберет комфорт и достаток, чем сомнительное удовольствие от катания на диких горках любви с её извечной лотереей. С её моментами восхитительных свиданий и бесконечными периодами грустных ожиданий. С её пиками радости и бездонными ущельями печали. Счастьем ответной реакции и горем безответности, когда ты ничего не можешь, кроме как страдать, переживая беду в одиночестве! Когда ты заколдован и замкнут в собственном футляре.

Как с этим бороться? Не подскажет никто. Кроме меня. Сегодня я могу помочь себе, я могу помочь каждому, а значит, всем.

Но! Дорогие друзья моего «электронного журнала», будет лучше, если расскажу всё по порядку. А для начала мы вернёмся к истокам. Не зря же мудрые говорят: лучшее лекарство от проблем – вернуться к исходной точке.

*

В нашей большой четырехкомнатной квартире на «Автозаводской» доставшейся в наследство от деда она появилась внезапно. Я уже практически выходил на «защиту диплома» и мне было ни до кого, но то утро перевернуло мир с земли на небо.

Буквально накануне я сильно болел. Нет. Ничего серьезного. Всего-то алкогольное отравление. В воскресенье мы всей группой отмечали свадьбу сокурсников, где ваш покорный слуга отличился, не жалея себя в жестокой схватке со змеем, безжалостно уничтожал постылую винно-водочную продукцию во имя счастья и здоровья, во имя мира во всём мире.

В день свадьбы мама с самого утра была в плохом настроении. Предчувствовала, что так оно и будет. Мама ворчала: «Вот. Не успели закончить университет, не успели в жизни устроиться, а уже женятся и замуж выходят. О защите думать надо, а не по свадьбам шастать. Сделал дело... Ты-то хоть понимаешь, что женитьба – это не в магазин сходить?! Важное, ответственное дело! И нечего смеяться. Ладно, ступай. Много не пей. С девочками аккуратнее. Смотри у меня».

Вечером она ворчала ещё сильнее, но я к тому моменту был слабовосприимчив к нотациям, а посему не запомнил ничего. Сказать по правде, я вообще не помню, как домой добрался.

Зато в понедельник, когда голова гудела звонче, чем пу-

стой бидон из-под молока, получил своё сполна.

«Вот! Разве можно столько пить? Какая же ты свинья! Когда же ты за ум возьмёшься?! Хоть бы уж женился скорее! Может, тогда остепенишься?! И пусть жена за тобой ухаживает, отпаивает, отстирывает, переживает...»

Ах, мама! Ваш сын – неисправимый романтик. И в этом виноваты Вы сами. Вы и народные сказки: про чудесных принцесс горохового царства и всяко-разных благообразных Золушек-Дюймовочек, которые по мановению волшебной палочки являются непонятно откуда, сразу и на всю жизнь завладевая сердцем несчастного принца! А принц, соответственно, мгновенно становится счастливецом. Ведь его избранницы, ничего не требуя взамен (иногда даже обходясь без пищи насущной), творят невообразимые чудеса рукоделия, рожают в ночь сонмы богатырей, бочками выкатывают мёд-пиво. Оно льётся рекой по усам в чешуе, как жар горя.

После такого хотелось бы Вас спросить, маменька: «Разве можно жениться ради бытовых, корыстных целей на ком-то ином, кроме принцессы? Отпаивала. Отстирывала... А где найти такую? Да и в этом ли смысл брачного таинства? А как же любовь?»

Настоящая, а не та, что посещает меня периодически, точно мартовского кота, когда кажется – вот оно. Но проходит время, сбрасываются гормоны, а вместе с ними отступает эйфория...

Однако по опыту... с мамой лучше не спорить! Лесопилка

работает так эффективно, что к вечеру сложно не заскучать по вольному университетскому воздуху.

Значит, дело было во вторник.

Сначала я долго бегал за своим вечно занятым научным руководителем, не оставляя надежды получить законный отзыв. Потом – устранял последние огрехи в печатном варианте дипломной работы. Потом – с замиранием сердца слушал сплетни и слухи о готовящемся в процессе защиты тотальном терроре...

Ты же мой родной ужасный физтех, который местные остряки, широко известные в узких кругах, загадочно улыбаясь и таинственно подмигивая, в шутку называли физкультурным техникумом.

Годы труда, счастья, свободы и забавных глупостей. Годы, когда ты постоянно чем-то или кем-то увлечён. Когда ты то беспечен, то озабочен, но всегда занят по самую тронутую крышу.

И наконец, момент гордости и одновременно смятения в ожидании новых жизненных перспектив...

И вдруг – она.

Наташа даже не вошла, она буквально ворвалась в мою жизнь: сломав, скомкав и вытеснив всё остальное-прочее.

Нет. Я и раньше влюблялся. Раз двести или триста. Страстно и регулярно. Начиная с детского садика. Часто без ответной надежды на взаимность, и это обстоятельство никогда не смущало чертовски нежного очкарика... Но чтобы

так!

А главное, всё произошло мгновенно, комично, глупо и неожиданно.

Представьте себе: вы возвращаетесь из родной альма-матер домой по привычному, сотни раз хоженому маршруту, открываете родную дверь, в привычно полутёмной прихожей вас встречает привычно любимая мама. Но вместо заученного: «Привет! Как дела?»:

– Алёша, у нас гости.

– Тётя Ася приехала?

– Почему тётя Ася?! Какая тётя Ася?! Тётя Вера. Моя двоюродная сестра из Владивостока. Со своей дочерью. Они живут у нас.

– Из Владивостока? Это там, где край земли и бушует великий, но Тихий?

– Алёша!

– Да шучу, шучу.

– Барбос ты! Марш руки мыть. А потом на кухню обедать и знакомиться с родственниками. Живее.

«Хым! Тётя Ас... Вера. Откуда? Что? Нет, я, конечно, слышал. Слышал про дальних родственников с Дальнего Востока. Но чтобы так... Эх. Совсем не вовремя. Накануне защиты диплома. Принесла же нелёгкая.»

Настроив себя на иронично-саркастический лад, судорожно пытаюсь придумать каламбур на тему такого дальнего и в то же время такого надоедливо близкого... Я вошёл на

кухню и застыл на пороге.

За столом, на моём любимом месте у окна, восседал божественной красоты ангел. Голова была овита венцом соломенного цвета. Изумительная! Просто прекрасная копна волос! Они светились даже в сумрачной полутени. Несмотря на то, что ангел занимал сидячее положение, можно было легко рассмотреть прелесть его фигуры. Розовый румянец и чудесные ямочки на щёчках дополняли пейзаж. И даже небольшой промежуток между двумя ровными передними зубиками не портил светлой улыбки. Наоборот, придавал ангельского шарма.

– Знакомьтесь. Это наш Алёша! А это тётя Вера и Наташа.

– Алёш, чего застыл? Поздоровайся с гостями. Он у нас воспитанный молодой человек, хоть и медведь порядочный.

– Здыр!

– А гости к нам не случайно приехали. Знаешь, Алёша? Наша девочка – перспективная спортсменка. Она делает успехи в верховой езде. И поэтому на время летних каникул её пригасил на просмотр в Москву известный тренер. Так что я надеюсь, ты не будешь против, если Наташа поживёт у нас некоторое время?

– Ох. В следующем году в школе выпускной класс! Я даже не знаю... – горестно вздохнула мама ангела, которая, оказывается, ещё и тётя Вера. Вид у неё, и правда, был пришибленно-усталый. Может, с дороги?

– Мамочка! Всё будет хорошо! – подал голос, осветив мир

улыбкой, ангел.

– Ох! Кто же знает, как жизнь сложится? Я так боюсь! А вы что по этому поводу думаете, Алёша? Стоит нам в эту... Москву лезть? Уж закончила бы школу и тогда...

Первое, что пришло на ум, – крылатое выражение Виктора Михайловича Полесова:

– Всегда!

Остаток дня пролетел, точно в тумане. Свершилось! Кажется, я по-настоящему влюбился.

Чувство, которое хранит надежду, – это бесконечное счастье... Представляете? Два с половиной месяца счастья?

Через неделю тётя Вера вернулась в родные пенаты, а Наташа осталась. Мы быстро с ней сошлись, она оказалась очень компанейской и на редкость умной, начитанной девочкой. Едва у обоих выдавалось свободное время, мы болтали обо всём и, в сущности, ни о чём.

Более всего, естественно, о лошадях. Оказывается, лошади – удивительные животные: умные, благородные. Ну, почти как люди. Даже лучше.

Мы ходили в кино, на выставки, в музеи. Да просто много гуляли по Москве. Я даже бегать по утрам стал. И конечно, как дурачок, таскался следом за Наташей в Чертаново. В «Битцу».

О! Как она божественно смеялась:

– Ах, Лёшка, Лёшка! Какой ты забавно неуклюжий. Тебе,

и правда, медведь наступил на все части тела сразу. А-ха-хаа! Буквально на все.

– Да, – радостно соглашался я. – Ушиб всей бабки. Буквально всей.

Но самое классное – это, конечно, вечера у нас дома. Мама рано ложилась спать, а мы, сидя рядом так близко друг к другу, смотрели телек, обсуждали и спорили, играли в шахматы или карты...

Эх. Чего только не делали вместе, кроме одного. Мы до поры до времени не переходили определённой грани, отделяющей симпатию от любви. И тем не менее, я засыпал с радостью, а по утрам просыпался от восторга.

До сих пор не понимаю, как, каким образом в этой варварской эйфории чувств мне удалось успешно защитить диплом? Просто вопреки... Хотя, может быть, наоборот?

Благодаря старым связям деда и маминой настойчивости, меня приняли на работу в престижный научно-исследовательский институт, правда, на смешную зарплату и не совсем по профилю полученной в вузе специальности. Я – физик, а отдел, в котором волей протекции и случая оказался, – занимался исследованиями мозговой деятельности.

И всё же это было классно!

Официально мы разрабатывали новые препараты для повышения тонуса. На самом же деле в основном решали иные задачи, в том числе и для оборонки.

В конце концов, настоящему физику-лирику везде хорошо, главное – чтобы дома его далёкая любимая ждала.

Любовь делает людей глупцами! До поры до времени я был глупцом, но глупцом счастливым. До поры, пока однажды химия наших отношений не рухнула! Глупо и внезапно.

Мы сидели в сквере на лавочке и ели эскимо. Было светло, тепло и прекрасно.

– Лёшка! Как же здорово!!! – улыбнулась Наташа. – И всё-таки ты свин.

– Ы!!! – согласно закивал я, по обыкновению переполняясь чудесным восторгом от звуков её голоса.

– Лёшка, где ты раньше был?! Целовался с кем? – дразнила она меня своей замечательной щёлочкой между зубами.

– А с кем нужно было целоваться? – душа замерла и в липко-радостном сиропе потекла между пальцев.

– Со мной! Со мной! Ты же мой любимый...

В последний момент она успела перехватить языком готовую упасть на небесно-синие джинсы каплю тающего мороженого, а я чуть не забился в конвульсиях восторга. И вдруг...

– Ты же мой любимый братик! Я всю жизнь мечтала о таком умном, заботливом, интересном брате. Где ты был раньше?! Почему не появился в моей жизни лет десять назад? Представляю... Ты бы учил меня. Наставлял. Защищал... Здорово! Правда?

– Как братик?! – мгновенно поник я, спускаясь с небес. –

Я люблю тебя, Наташа!

– Я тоже тебя люблю, – и она, откинув в сторону свою шикарную воздушную челку, задорно рассмеялась.

– Но. Я... Я люблю тебя... по-другому... По-настоящему! – с трудом выдавливая слова сквозь мгновенно сужившуюся до игольного ушка гортань, прошипел незнакомый мне голос.

Наташа, словно запнувшись на очередной смешинке, застыла, серьёзно и внимательно посмотрев в мою сторону.

– Постой. Что значит по-дру... Лёшка... Лёш...

Она замолчала, а я, испытывая непонятное чувство стыда и неловкости, потупил взгляд.

– Лёша. Милый мой. Мы же с тобой родственники. Мы же брат и сестра. Так получается.

– Глупости. Седьмая вода на киселе, – внутри меня рушился огромный прекрасный мир. – Я люблю тебя, Наташа. По-настоящему люблю. Как мужчина может любить женщину.

– Что скажут наши родные? Лёшенька, дорогой мой. Братик мой. Это невозможно...

– Очень даже возможно! Выходи за меня замуж! Ты не представляешь, насколько глубоко и бесконечно моё чувство к тебе. Я буду всю жизнь носить тебя на руках. Я буду ждать... Ну... Пока ты школу там..., пока вырастешь... В общем....

Зачем я сказал это глупое «вырастешь»? Урод.

– Уфф! – даже не глядя в её сторону, я ощутил, как она сразу сжалась, уменьшилась в размерах и, конечно, густо покраснела. Она всегда краснела, чувствуя неловкость.

– Но ведь любить должны оба. Ты мне очень симпатичен. Очень-очень. Но... Может, я глупая провинциальная девушка, но любовь должна быть взаимной.

– Совсем необязательно, – уставившись в асфальтовую выбоину под ногами, не смея поднять взгляда, упорствовал я, как баран. – Люблю тебя. Люблю! Не спеши отвечать. Ты узнаешь меня лучше, и может...

– А если не может?

Помолчав немного, она добавила, не пытаясь скрыть волнения.

– Человек не волен управлять собственными чувствами... К счастью или сожалению. Пойми... Я к тебе очень хорошо отношусь... Но! Не обижайся. Я отношусь к тебе... как к брату. И давай не будем это портить...

Крах! Крах всего.

В жизни началась чёрная полоса. Я стал тревожным, раздражительным, замкнутым. Непослушная голова оказалась занята исключительно Наташей. Её облик печатался перед глазами, её запах щекотал ноздри, её голос застилал слух.

Тема любви и дружбы больше не поднималась нами, но в отношениях преимущественно сквозили неловкость и натянутость.

Если раньше после ужина мы старались проводить свободное время вместе, то теперь Наташа под любым предлогом избегала контактов наедине. После ставшего привычным «семейного стола», она, ссылаясь на дела или болезни, уходила к себе в комнату.

Такие резкие перемены не могли быть не замечены мамой:

– Алексей! Что случилось? Ты обидел Наташу? – всё настойчивее и настойчивее допрашивала она меня.

– Нет! Глупости. Мам, успокойся. Всё в порядке. Ну, заболел человек. Недомогание. Это пройдёт, – неуклюже отбивался я.

Как?! Как я мог обидеть человека, которого полюбил страстно и искренне. Да я готов был делать всё, лишь бы ей было хорошо.

Не хочет меня видеть? Пожалуйста. Я как можно реже буду попадаться ей на глаза. Если нужно, вообще готов уйти из дома и жить на вокзале, только бы не потревожить её покоя.

– Сдаётся мне, вы оба заболели, – вздыхала мама.

Дома чётко вырисовывалась патовая ситуация, при которой верхи не могли ничего сделать, а низы категорически не хотели.

Новая, первая после стольких лет ученического мытарства работа, да ещё такая интересная по сути своей, могла отвлечь, занять, успокоить.

Не тут-то было. Что бы я ни делал, чем бы ни пытался заняться, всё вокруг светилось конкретным женским образом.

Мало того, меня чуть было не уволили с работы за срыв важного эксперимента.

Любой выпускник вуза, дорвавшись до реальных задач, наивно полагает, что он знает всё. На самом деле – он не знает ничего, каким бы отличником, красnodипломником или ботаном его не выплеснула из своих недр альма-матер. Абстрактные знания – одно, а жизнь, в том числе и научная, совсем другое. Выпускника надо строить и учить. Учить и строить.

Поскольку я был каким-никаким, а всё-таки мужчинкой, то приставлять меня к кофе-машине или буфету посчитали неэтичным, а потому для начала мою светлейшую голову решили использовать в приземлённо-практических целях. Меня прикрепили к ведущему инженеру Володе Колотилину, который отвечал за подготовку, тарировку (поверку) и коммутацию (соединение) оборудования, необходимого для записи показаний экспериментов.

Володя – жизнерадостный мужичок лет сорока, приятный в общении, не заносчивый и не подвинутый, как остальные коллеги, на науке, был не прочь заложить за воротник в нерабочее время, знал массу анекдотов и шуточных историй, мог запросто припустить матерком, но легким, весёлым и беззлобным. Для меня на этапе вливания в незнакомый, специфический коллектив Володя оказался ценным приобретением с точки зрения жизненного опыта.

Однажды, накануне важного эксперимента, он хорошо так

«гульнул». В результате проспал на работу, а я, по доброте душевной, никому ничего не сказав, сделал коммутацию сам.

Да что там делать? Один разъём сюда. Второй – сюда! Тут прилепить, тут припать, здесь плюнуть и обработать. Раз, два – готово.

Надо же было такому случиться, что именно в этот раз часть данных оказалась безвозвратно утеряна.

Я сидел и по обыкновению мысленно предавался поклонению своему божеству Наташе, когда в общую комнату, брызгая слюной, точно грозный павиан, ворвался руководитель проекта (ученик самого академика А.), кандидат наук Константинов. По выражению коллег – неоднозначная фигура.

Про него, например, говорили странные вещи: «Если бы Палыч меньше занимался наукой, давно бы стал доктором».

Тогда меня удивляла нелогичность данного высказывания, и лишь много позже я осознал его глубокий смысл.

– Где?! Где эта пузатая сволочь?! Где этот долбо... долбня Колотилин? – громко вопрошал шеф, находясь в состоянии крайнего аффекта и беспросветного разочарования.

– Болеет, – был ответ зала.

– А кто? Кто тот варвар?.. Кто тот питекантроп, что так бездарно собрал схему?! Кто? Подайте мне сейчас же эту пустую голову на блюде! Желательно мертвой! Ну?

«НУ» прозвучало именно так, большими буквами, не сулящими пощады и прощения.

– Не знаем, – слегка развернули испуганные взгляды в мою сторону добрые люди.

– Молодой?! – удивился Константинов. – Следуйте за мной, молодой человек.

На голгофу? Да плевать. Заодно посмотрю кабинет шефа. Нет. Я, конечно, осознал и даже поник. Но, в сущности, волновался исключительно в таком разрезе: если меня сейчас выпрут отсюда – нужно сделать всё, чтобы Наташа не узнала об этом позоре...

– Садитесь, – грозно прицеливаясь взглядом в мою голову, указал на стул шеф. В этом кабинете я был впервые. Внушительный, хоть и оформленный в старом, ещё советском стиле, с массивной деревянной мебелью пятидесятилетней давности. Да и ремонта не было давненько.

Шеф вертел ручку в руках. «Волнуется. Соображает, с чего начать разговор», – подумалось мне.

– Что скажете в своё оправдание?

Я молчал. Честно сказать, ощущение не из приятных, есть чувство вины перед солидными и умными людьми, чего скрывать. Пришёл балбес и запорол дело.

– Вам нравится Ваша работа? Может, Вам больше по душе... петь, или... мусор убирать? Интереснее, так сказать. К чему лежит душа?

– Нравится.

– Что Вы говорите? Не слышу.

– Нравится работа! – ответил я громче, с небольшой ноткой вызова.

Нет. Он ко мне несправедлив. Я, можно сказать, сам первый раз в жизни сделал что-то полезное. И что? Ну, оказалось вредным. Значит, сразу на мусорку? Я же инициативу проявил. Эх!

Возможно, Константинов умел читать мысли. Да точно умел. В дальнейшем, работая с ним рядом почти десять лет, я не раз в этом убеждался. Он помолчал, ещё секунд тридцать повертел ручку и вдруг смягчился. Не сказать, что стал ласковым и пушистым, но взглядом подобрел, излишнюю суровость погасил.

– Ладно, за инициативу я Вас похвалю. Но попрошу больше таких фортелей без ведома старших товарищей не выкидывать. А то... Наломают, понимаешь, дров в детском саду, а расхлёбывает весь коллектив. Эх! Наберут, понимаешь, детей во флот!!! Наука – это тебе не с девочками по подъездам, тут думать надо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.